Снежная слепота

Автор:
John Anhinga

Снежная слепота

John Anhinga

Снежная слепота – ожог в глазах полярников от вечного снега вокруг. Не видя ничего, кроме, трудно вспомнить, что было помимо. Книга содержит нецензурную брань.

Снежная слепота

John Anhinga

Редактор Евгений Казанцев

© John Anhinga, 2018

ISBN 978-5-4493-8008-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Господам, отдающим себе отчёт в несуразности сего издания, к прочтению не рекомендуется. Содержит цензурную брань и фантомы юности высшего сорта. Данная книга не призвана оскорбить чувства верующих

|

Чистый лист никогда не настанет,

смирись.

Родились – и бежали грехи наши ввысь.

Подрались,

заплелись

и зажглись —

это жизнь, она манит.

Сколь ни чисть свежекупленные блокноты,

чего там,

прошлого сыграны ноты.

Мокрота

старые боты покрыла налётом.

Кто-то пляшет насильно под трель пулемёта.

Погода

разбросила вкруг дождевые зиготы,

head-shooты наставив наследникам Лота.

Мечтать о полётах,

о тёплой квартире отчасти,

скрываясь в душевном ненастье,

остроты

сыпать бесцельно в толпу цвета жгоды.

Надеялся выжить, несчастный?

Ты – это что-то.

?

Мне больно видеть Твоё лицо. Больно, но так необходимо_сладостно_счастливо, что тяжелеет аорта. Если я чем способен сделать Твою ношу Легче, пусть с плеч на плечо, не молчи: возьмусь, как бы ни горячо.

Спешат, спешат женщины в длинных одеждах. Стекаются под кресты, как необратимый поток, как ливень к канализационным обрывам. Отчего я стою недвижим, и они хлещут меня полами юбок?

Я почитаю Бога, молюсь каждою мыслью отныне и присно, обращаю к Нему все дела рук своих

перекорёженных, помнящих пляс чужих ступней на своей коже, но меня презирают эти смиренные женщины.

Женщины в длинных одеждах.

Говорят, Бог был первым иконописцем: по образу и подобию Своему Он слепил человечество. Что же Он думал, отдав нам Себя в нас и нас в Себе,

ибо сами мы были иконой и трещиной в этой иконе, но

но я не смею сказать о том женщинам, что текут под крестовые своды.

Легко знать, можно понять и трудно поверить: три ступени, вершина которых отдаст тебе Бога, а ты – ты Его и так. Я заношу ногу. Я делаю шаг. Нет ни предлога мне двинуться с места. Мои веки – блаженство. Я есть под сенью райских ветел бездрожен и светел. Не оставив мирских дел, жив телом, преодолел третий предел и прозрел, давно занёс ногу, давно сделал шаг, отчего же так злобны бывают

женщины с платками, как будто в сквозняк?

Несчастные. Наверху поддувает.

Ложные, ложные мании светятся в глазах праведных, там молитвы скаредны, пред иконами пахнет не ладаном: гарью. «Любовь суть прелюбодеяние вне храма нашего» – ревут оглашенные из-за иконостасов раскрашенных, я вырвусь и выскочу, растолкав ко всем благам всевышним

это воцерковившееся

лжемонашество.

Коли так, будет любовь моя – храм, а Ты в нём – Единственный Бог.

Потолок не золотом – углем колотым. Проходя, подними голову. Сердце в полынью пола полое, ладонями горстью – тяжелей олова зачерпни солода и вылей в аорту, чтоб было – полно.

Пение гордыню лелеет; вечереет. В сумерки карие выглянь, видней – марево. Послушней, прилежней, с полыхающим валежником, шагают воинственней, реже, с песней прежней, женщины в длинных одеждах.

Сажею – Твои волосы. Очей разрез – рыбы тонкие. Чело создано для терновника, острого, ломкого. Мне больно и радостно, дрожь в сухожилия, целой жизни не жаль: милями, по суше иль илу на свет на Твой выйду. Жаль, не знают невежды: пожаром не прервать мой молебен, пусть жгут, как жгли прежде, женщины в длинных одеждах.

Кроем торы небеса вскрою: если в этом мире и стоит доверить чувства мольбе,

Одному

Тебе.

Гневная песня застыла на соль, я стою на триадном верху и могу

видеть Твоё лицо,

пламя сотрёт мою боль, и в великом храме единства я рад бы сдержать свой всежизненный выкрик: я Иисусу Христу не молился ни мига,

в аорте Имя Твоё

П_ка.

?

Перестал выходить под дождь,

Все стихи завещал петле.

Вылакал ливневу дань из протянутой длани.

Мама, с такою душевною дрянью

матадоры не стригли колет.

Я забылся любовью,

как вспышками тока,

фантомной тревогой,

гранатовым соком,

лаской, которую жалобно ждёшь,

мягкостью котьих пяток,

мама,

перестал выходить под дождь.

Повзрослел,

покормил собак.

Шинковал им куски тоски.

В бойк_от_еческий буерак

кое-как

спрятал от прачек мозги.

Мама, и жизнь – не ложь,

и мечты – не пропащий тлен,

и не ржавеет в горле нож.

Повзрослел.

Покормил гиен.

День ко дню под ногтями сажа,

день ко дню лето дует зябче.

Я счастливый, как сбитый рябчик,

как ненайденная пропажа.

Мамочка, мне в клетке рёбер тяжко,

в нёбо язык – словно дуло винтовки.

Мама, любовь не даёт поблажек,

у моей – тик-так в правом лёгком.

3/1

– Генерал-лейтенант Геренда прибудет в пять, видимо, по делу мятежников…

Дождевая вода взрывала водосточные трубы вторые сутки подряд. Штаб бил рекорды по варке кофе: к путанице в делах Эйхеля и беспорядках на Периферии прибавилась всеобщая мигрень. Давление падало, и головы у штабных гудели, как осиные гнёзда.

– У бакалейщика был?

Только один прапорщик мог похвастаться тем, что его начальник не мается головной болью и не орёт на него, как принято у остальных. Счастливчик положил свёрток из плотной бумаги на край стола, за которым работал подполковник Альфред Телур, статный блондин в очках-половинках и штатском костюме.

– Спасибо, Гарольд, – отозвался он, не отрываясь от жёлтых листочков, подшитых в крохотный блокнот.

– А что пишет Олдерн? – поинтересовался прапорщик, вешая мокрый насквозь плащ на трубы отопления.

– Многое. В основном о жене, немного про быт, окрестности, соседей.

Мужчину ответ явно удивил. Боком заглядывая за пресс-папье полковника, заслоняющее тонкий блокнот, он протянул:

– Быть не может, чтобы старина Олди ради этого искал столько почтовых голубей.

– Это не он, – отвлечённо поправил Телур. – Его жена.

– Жена? Наверняка вдовая, выйти за отставного майора, у которого из орденов только плешь и сверкает…

Альфред вздохнул, распечатал пакет из бакалеи и достал оттуда плотный кожаный планшетник, немедленно укладывая в него жёлтые листочки.

– Сплетник ты, Гарольд. Заведёшь жену, так она тебя не переболтает.

Прапорщик хохотнул. Повезло ему с начальником: Альфред не гнался за чинами, равно относился и к сержантам, и к генералам, наедине с ним можно было поговорить о личном, получить мудрый совет. Несмотря на юность, – Альфреду не было и тридцати, – в ГенШтабе у него было множество завистников, невольно уважавших его. Подполковник Телур занимался делами, которые за безнадёжностью сдавали в архив. Генерал армии лично знал его по довоенным конфликтам, когда рядовой несколько раз предотвращал покушения на тогдашнего генерал-летейнанта Корога. Лично от него Альфред получил право на ношение штатского платья, почти полную самостоятельность действий и множество других, менее заметных полномочий – конечно, штабным служакам было, чему завидовать. Иногда сам Гарольд, да и Олдерн, давний их сослуживец, ворчали на свободный покрой плаща и брюк блондина, затягиваясь строевыми поясами.

– Интересно, как ему живётся на пенсии. Вышивать, небось, начал от скуки… – Гарольд, ероша мокрые чёрные волосы, мечтательно вздохнул: ему тоже хотелось на покой, в сельский домик с хозяюшкой-женой, парой ребятят, свежим молоком каждое утро…

– Олдерн мёртв, это почти наверняка, – огорошил его Телур таким тоном, будто говорил о ценах на зерно. Его лицо осталось спокойным, а прапорщик застыл, не веря ушам. – Иначе зачем ему так отчаянно писать мне.

Гарольд понял: до пенсии далеко. Олдерн бессчётное количество раз вытаскивал их из опасностей, начиная с выволочки у начальства и заканчивая

горячими точками на границе. Едва он, облысевший, с седыми усами, уезжает на Периферию, Штаб заметно тухнет: никто не травит военные байки, не вразумляет зелёных сержантиков, не ругается с капитанами-клерками. И вот, спустя всего полтора месяца, Альфред Телур – самый ценный из его друзей – заявляет, что старина Олди умер.

– Как? Откуда? Почему ещё не… – отчаянные вопросы прерывает шум в коридоре. Взглядом стирая с лица подчинённого боль и неверие, Альфред роняет планшетку на пол и накрывает ковром, так, чтобы в тени под столом её не было видно. Ровно за дверью смолкает громкий, строевой шаг, хрипит ручка, и в сырой кабинет входит генерал-лейтенант. Герендо Горгия – дюжий, пышногрудый солдат с шрамом на широкой скуле. Альфред едва достаёт лбом до её подбородка, но держится, несмотря на два чина разницы, как с равной себе. Чисто-жёлтая, бесовская искра его глаз не меркнет под взглядом Герендо.

Альфред встаёт, снимает очки, убирает их в жилетный карман. Топнув ногой, генерал отсылает Гарольда за дверь, зарыв которую, прапорщик тотчас приникает к ней ухом.

– Опять не по уставу одеты, Телур. – напирает Горгия, начиная с той же фразы, которой всегда приветствует его.

– А вы, напротив, великолепно и по форме, – легко отвечает Альфред. Он ни разу не повторился в ответе. Отдав честь, он оборачивается к столу с видом человека, который был прерван на середине сборов. Пока генерал-лейтенант обдумывает следующее предложение, он успевает сложить в портфель немногочисленные документы из ящиков стола, и громовой голос Горгии настигает его за поднятием пресс-папье.

– У меня новость из Штаба, – в стенах которого они и стоят, – вас повысили до полковника. Генерал армии Корога осведомляется об отчётности за этот месяц.

Телур протягивает ей кипу бумаг толщиной в её запястье, и, выходя с ней за дверь, рапортует:

– Здесь о зачистке Южного округа, беглецах из ЧерДокс и прочем. Передайте генералу Короге лично, – на лице блондина читается уверенность в Герендо. Та

невольно забывает, что выше его по рангу, и впервые позволяет себе вольность: кладёт широкую ладонь на его плечо. Телур, обернувшись на прапорщика, приказывает:

– Одеться и в машину. Не забудь пакет из бакалеи, – и, не дожидаясь вопроса, отчитывается:

– Я еду на Периферию, в Мятежные земли. Главари побега из ЧерДокс раскололись, их послали оттуда. Регулярные отчёты буду слать генералу Короге на частную почту.

Горгия сама не заметила, как дошла вместе с полковником до выхода из Штаба. Отдав честь, блондин коротко кивнул ей и скрылся за дверцей экипажа. Мимо Герендо пронёсся Гарольд, на ходу приставив руку к виску, и нырнул следом. Сержант на козлах взмахнул поводьями, и лошади двинулись бодрой рысью, отбивая подковы о мостовые Эйхеля. Только сейчас генерал-лейтенант вспомнила о дожде, но было поздно: когда замешкавшийся, дрожащий от страха ефрейтор подал ей плащ, Горгия промокла до нитки.

Дождь лил вторые сутки, а с боков экипажа всё сочилась и сочилась пыль: даже такому ливню не удалось начисто вымыть кэбы столицы. Сержант, хмурый и безликий в плащовке с капюшоном, считал улицы Западного округа.

– Куда мы? Домой? – спрашивает Гарольд, его лицо бледно то ли от серости дня, то ли от прерванного разговора. Блондин иронически усмехается при слове «дом» – пусть и хорошо мебелированный, но пропахший армейкой барак на три комнаты: его самого и прапорщика спальни, да общий кабинет.

– Планшетку взял? – внешне спокойно спрашивает Альфред, но глаза его тревожно сверкают.

– Да, – отзывается прапорщик, и, расстегнув китель, вынимает из-за пазухи кожаный переплёт. – Поздравляю с повышением, кстати, – говорит он тускло, и прячет взгляд в темени под кучерским сиденьем.

– Спасибо, Гарри. – облегчённо выдыхает Альфред, пряча бесценные документы во внутренний карман плаща. – Не раскисай, мы едем к старине Олди.

– К Олдерну?! – вскидывается прапорщик. – Но зачем?

Блондин щурится, в радужке его пляшут бесовские искры. Кивнув подручному на карту Эйхеля, трепещущую на стенке экипажа, полковник вспоминает:

– Восточный округ, девятнадцатая параллель. Беспорядки в лапшичной, ровно шесть с половиной лет назад.

– В этой дыре, где кровь пигмеев по щиколотку плескалась? Там полегли…

– …две трети опергруппы. И последним, кто держал оборону в чулане с мукой, был наш старина Олд.

Лицо прапорщика озарилось незабываемо жуткой картиной: весь в крови, своей и чужой, в рубашке, от которой уцелел один рукав да воротник, спиной заслоняя дверь, за которой издыхают сливки полиции, сжимая вместо табельного оружия гнутую ножку стола – именно так их встретил капитан Йозеф Олдерн, встретил, как до этого встретил полчища обезумевших пигмеев, устроивших внезапную резню в помойке столицы – трущобах Восточного округа.

– Думаешь, он сдался бы так просто? Старина Олди не уступал личной охране Герендо, этим гигантам с ловкостью пантер, – видя, как заворожено слушает его Гарольд, блондин продолжил. – Йозеф даже в отставке продолжал службу. Когда я выбился в подполковники, тотчас перевёл его под своё руководство. Он, в бытность свою лейтенантом, гонял меня, беспогонного, а теперь беспрекословно стал моим подчинённым. Ему не был важен чин, только правое дело. За это я его и ценил превыше всех высокопоставленных чинуш, набивавшихся мне в друзья.

Гарольд понял: этот монолог, произнесённый в трясучем кэбе, станет лучшим прощальным словом Йозефу, чем все казённые речи на похоронах.

– Мы оба понимали: на Периферии, на первой пяди песка левого побережья Барды, ни один военный не может расслабиться. Шаткое гнездо в Трипте –

единственный приют для строевых псов. К отставным, однако же, местные куда лояльней: многие генералы уезжали туда после службы, заводили семью, обживали устья впадающих в Барду речушек…

– И вы, – медленно, с расцветающим на лице озарением, – дали Олди отставку, чтобы он…

– Укрепился там и стал бы надёжным источником сведений, моими глазами на Периферии. В Трипте у меня почти нет верных знакомых, я там слыву столичным фанфароном, что, конечно, к взаимопомощи не располагает. Сама Трипта – то ещё местечко, даже не скажешь, кого купили, а кого перепродали местные. Я отправил Олдерна в маленький городок под названием Мирный, он живёт полями на берегу Барды, а центр свой разбил ровно там, где река впадает в Рдяное озеро.

– То самое, южные берега которого называются Мятежными землями?

– Не только берега, воды там куда менее спокойны. Именно в Мятежных землях первым пробивается росток народных волнений, так было всегда, да и будет.

– Вокзал! – проскрипел из дождя сержант, распахивая перед Альфредом дверь.

– Всё собрал, надеюсь? – спросил Альфред, перекрикивая бушующую непогоду. Его несколько раз толкнули в спину спешащие прохожие, не разглядев за стеной дождя.

– Ещё с вечера! – заверил начальника Гарри, перехватывая пузатый вещмешок. У самого полковника был только портфель из прочной кожи, казавшийся легкомысленно тонким. В нём лежала смена одежды, мыло, бритва, дневник, пачка чистой бумаги и справочные документы: Альфред всегда переписывал необходимую информацию в библиотеке, чтобы не таскать с собой все энциклопедии, которые могут понадобиться. Генерал Корога глубоко уважал его за феноменальную память: почти все прочитанные книги Альфред запоминал буквально, лишь иногда подхватывая на карандаш даты. Все имена, названия улиц и номера дел в библиотеке ГенШтаба блондин помнил безошибочно, какими бы сложными они ни были.

Пробиваться сквозь плотнеющую к вокзалу массу людей полковнику удавалось на удивление легко: его плащ, гладкий от ливня, позволял ему скользить меж прохожих, как ледоколу сквозь замерший океан. Стыдясь собственной беспомощности, Гарри ухватился за локоть начальника, чтобы не отстать.

– Два билета до Северной Переправы, пожалуйста, – улыбнулся Альфред измотанной кассирше. Тепло его улыбки пробилось сквозь запотевшую будку и согрело сгорбленной женщине сердце, она выписала бумаги и тщательно отсчитала сдачу, за что получила искреннее «Благодарю» от юного незнакомца.

В поезде было сыро и неуютно. Пожав руку кондуктору, Альфред закрыл дверь купе изнутри и повесил плащ на стенной крючок. Бегло осмотрев купе, он раскрыл портфель и вынул планшетник, протёр оконное стекло – тщетно, света не прибавилось. Поезд тронулся, медля на мокрых рельсах. Полковник со вздохом достал пачку полупрозрачных листков – писем Олдерна. Его брови чуть опустились, глаза спрятались за очками, а руки легли по обе стороны от блокнота. Гарри хорошо знал эту позу – Альфред всегда размышлял над неразрешимыми загадками именно так.

Четыре года назад прапорщик Телур в одиночку предотвратил войну. Он не сделал ни единого выстрела, никому не угрожал, никого не обманывал: просто слушал и думал, а после произнёс пару слов в нужном месте и в нужное время, безупречно рассчитав исход. Почему же сейчас, оставляя в Эйхеле полицейские заговоры, городские беспорядки, теневые махинации, незаменимый в раскрытии интриг человек направляется на тихую, мутную Периферию? Этот вопрос занимал Гарольда так сильно, что тот даже забыл раздеться.

– «На указателях Северной Переправы нет города „Мирный“, но любой паромщик отвезёт до местечка с жутким названием „Рудый Бурун“, а по дороге расскажет: там Барда, разливаясь в озеро, кровянела от смертей». Перевалочный пункт, решающий оплот для истощённых воинов, он был разорён столько раз, сколько колосьев растёт на его полях, – вспомнил историю Альфред, – река Барда, по которой проведена граница Периферии, всегда становилась границей фронтов в военное время. А Рудый Бурун, единственный город, стоящий на её берегу, прямо напротив Эйхеля – он выстроен на могилах. Там умерло бессчётное количество людей, Гарри. Местных крестьян, тощих солдат, наёмников-иноземцев, заговорщиков и беглецов от закона. Генштаб издевательски переименовал городок в «Мирный», ха. Сейчас там тихо, но, стоит

грянуть войне…

Гарольд сглотнул. То, что он слышал от полковника, никак не вязалось с характеристикой из Штаба, которую он изучил.

– «Здесь, впрочем, тихо, народ трезвый: вся медовуха варится в Трипте. Хотя, конечно, лучшая – в соседнем городке Руйг, до которого трудно доехать. Мешает Лес».

– Странно, – в недоумении протянул Гарольд. – Зачем вам эти записки? Ради медовухи вы покинули Эйхель? Или на рощи посмотреть захотелось?

Альфред тихо хмыкнул, достал собственный дневник и открыл страницу, на которую была в точности перенесена карта Периферии. С севера, свиваясь из ручейков и речушек, текла Барда, посередине разливаясь гигантским Рдяным озером. Ровно на последнем узком месте до него курсировали паромы Северной Переправы, и слева стоял злополучный Мирный. От Переправы к Эйхелю тянулась железная дорога, по которой они сейчас ехали, сама столица была правее и ниже Мирного, на уровне середины Рдяного озера. Но Гарольда насторожила не эта, знакомая ему со школы картина:

– Что это? – спросил он, указывая на штрихованный участок карты. Боком задевая реку и городок Мирный, между ними, Триптой и Руйгом лежал идеальный круг, поделенный дорогами на три равных части. Телур невесело усмехнулся и просветил:

– Это Лес. Спроектирован и выверен лучше Генштаба.

– Лес? – не понял прапорщик. – Какой-то особый участок Трипты?

Альфред нахмурился. Морщины взрезали его лоб. Прямо в центре Леса он нарисовал полянку, где сходились дороги от Мирного, Руйга и Трипты.

– Нет, это просто Лес. Вековые сосны, вокруг – лиственная поросль, с северо-востока – пашни Мирного и Барда, к Югу – Трипта, и Руйг ровно на северо-западе. Кто его насадил, было ли внутри чьё-то имение, как он использовался, вырубали ли его под засев – непонятно. Олди пишет, что местные обходят его

стороной, не строят рядом с ним ни домов, ни складов, а по дорогам – посмотри, прямые и удобные – не ездят даже под страхом смерти. Вместо этого Лес огибают, и, если насквозь его можно пройти часов за тридцать пять, то обходом – за два с половиной дня.

– И что? – нервно хохотнул прапорщик. – Крестьяне верят, что там живёт ведьма?

– Чудовище, – поправил Альфред, и взгляд его был так спокоен, что Гарри дёрнулся.

– Быть не может. Олдерн – майор с несгибаемой волей, с железными кулаками, он не поверил бы в эту чушь!

В ответ блондин открыл последнюю страницу чужого дневника и показал подручному. Там явно чужим почерком – буквы грубые, неловкие, скачущие – было выведено: «Я говорила ему не дразнить Зверя».

«Шепотки беглых столичников на Периферии обернутся бурей. Все контрдиверсии под Урбдом были пустой тратой времени… – с горечью думал Альфред. Его плечо, пострадавшее в той операции, предупреждающе ныло. – Страна будто просит войны: крестьяне ненавидят чинуш Эйхеля за непомерные налоги и произвол военных, столичная знать не может спустить выходки мятежников, армия пожирает себя в борьбе за чины, а Корога пытается это исправить, но у него связаны руки».

– Полковник! – Позвал его Гарольд. – Северная Переправа через полчаса!

Блондин встряхнулся. Мрачная мысль ещё не развернулась, но уже успела его разозлить. Поднимаясь с полки, он размял шею: хрусть! хрусть! – и сморгнул внезапную дремоту. Поспать за всю дорогу ему не удалось: ниточка размышлений увела его от гибели Олдерна к давнишним междоусобицам на востоке, где они с Корогой и десятком отчаянных ребят не дали разразиться войне. Альфред Телур навсегда запомнил то напряжение, которое вдыхал вместе с воздухом: напряжение, готовое вспыхнуть пожаром от искры единственного выстрела. Сейчас воздух был спокоен, как гладь болот, но бывалый военный чуял, как возвращаются тревожные нотки.

– Ничего не забыл? – спросил он у прапорщика, хотя вопрос был излишним: все нужные вещи тот собрал с прошлого утра, ещё до визита генерала Герендо.
За пыльными окнами сопела Пристань, силуэты причалов терялись в тумане. Нескончаемый ливень отстал от поезда в пригороде столицы, но на смену ему явился густой, ежевичный туман, что волнами разлетался от быстрых движений, клубился у ног, а за спиной смыкался, как зыбучий песок.

– Ну и муть! – свистнул Гарри, прыгая на дощатый перрон. Контуры молчаливых паромщиков и их лодок маячили в паре сотен шагов, но были столь зыбкими, что прапорщик боялся спутать их с рощей осин. – Вы были здесь раньше, полковник?

Альфред, поправляя воротник плаща, покачал головой:

– Никогда. В паре часов отсюда мы разбивали лагерь, но к самой Переправе не подходили.

Оглядевшись, он направился к пристани, безошибочно следуя на шум текущей воды. Барда, несмотря на позднюю осень, была неспокойна, и никак не сдавалась ледяной кромке у самого берега.

– Старушка станет в январе, не раньше. Больно буйна!.. – услышали военные скрипучий голос. Старик в широкой соломенной шляпе стоял на носу тесной лодчонки, опираясь на весло, конец которого терялся под водой.

– Возьмётесь переправить нас? – обратился к нему Альфред, и паромщик ответил:

– Вестимо! Чем ещё мне тут промышлять?! – и надсадно рассмеялся.

Олдерн был прав: ни о каком Мирном старик слыхом не слыхал. Зато, сразу после непонятной просьбы, предложил отвезти мужчин в Рудый Бурун – городок, стоящий ровно напротив Северной Переправы.

– А там, вестимо, скажут вам местные, где этот Мирный… отродясь не знаю такого…

Гарольд вертел головой, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть, но плотный туман не позволял. Стоило им отчалить, берег скрылся в сизой пелене: она сожрала и воду, и дальний борт лодки, и голову старика в ветхой шляпе. Туман ложился на воду и тёк вместе с ней, застилая клубами даже полковника, который сидел в двух шагах от Гарри. Тому было тревожно: если не видишь ты, не значит, что не видят тебя.

– И…и чем живут местные? – обратился он к Альфреду, надеясь отогнать разговором липкое беспокойство.

– В Мирном процветает земледелие, Трипта известна как самая крупная мыловарня в стране. Гарри, у твоей матери был вышитый передник, который мужчины дарят любимым, когда сватаются?

– Был, – протянул Гарольд. – А что?

Блондин усмехнулся и направил взгляд сквозь туман, в сторону дальнего берега.

– Такие передники вышивают в городке Руйга, он знаменит своими рукодельницами. У каждой семьи есть свой узор, которому обучают наследниц с самого детства. Говорят, вышивать девочки начинают раньше, чем говорить.

Старик за спиной Альфреда оживился, и сквозь зябкий туман до военных донёсся его голос:

– Верно, верно говоришь. Сколько раз возил чудеса оттуда на правый берег…

Полковник не вздрогнул, не повернулся, но глаза его так заблестели, что Гарри понял: начинается искусный допрос, о котором жертва не будет подозревать до последнего.

– Что же, много возите?

– До снегов жидко, а вот с первыми ручьями – хоть охапками греби. На посев да на жатву бабы заняты, руки не лишние, – прокряхтел старик с явным оживлением. – А как снег валит, сиди дома да шей, всё одно скучно.

На лице Альфреда цвёл живой интерес.

– Что, только полотна да передники возите?

– Да, чай, что ещё. С Трипты всё по Южной Переправе плывёт, да только неспокойно там нынче… – Старик, видно, вспомнил о погонах на плаще Гарольда и осёкся. – Вот ещё старьёвщики-калядуны плывут иногда, но больше в Буруне всё продают и обратно в Руйгу уходят. Рудый Бурун – городок хоть мал, да удал. Люди сытые, богатые, аж площадь брусчаткой вымостили…

Блондин хмыкул и поблагодарил старика за рассказ, но напоследок поинтересовался:

– А кто самым первым переправляется с вышивкой?

Старик хмыкнул и с готовностью отвечал:

– Вестимо, Клим-купец. Весь товар, что из Руйги, на лодки грузит, только один короб в Буруне сторгует. Деловой мужик, бирюк. Вот, к местной вдове сватался, да она отказала… за старика-вояку выскочила…

– Надо же! – Протянул Альфред. – Как зовут её, не помните?

Старик натужно закашлялся, и попутчики не сразу поняли, что он смеётся.

– Хайра её звать. Ладная бабёнка, молодая, хозяйственная. Двор у неё большой, лучший сыр только от неё брать надо. Батька ейный помер давно, сестёр нет, вот всё хозяйство ей и осталось. Сильная, верная. Женился б, да стар больно!

Гарри засмеялся, старик вторил ему, и только Альфред отвлечённо улыбался, думая о чём-то своём.

На берегу туман отступил, но, не успели путешественники увидеть свет, опустилась ночь. Старик махнул им рукой и отчалил, его спину проглотила речная темень. Гарольд не мог унять дрожь, наблюдая, как волны тумана потемнели с закатом солнца, и как их бег ускорился. То и дело он различал в мрачном потоке белёсые силуэты, будто призраки неслись вниз по реке,

в Рдяное озеро, к Мятежным землям, являться беглым каторжникам наяву и во снах.

– Ждёшь кого-то? – обернулся к напарнику Альфред, насмешливые искорки плясали в его глазах. Прапорщик вздрогнул и поспешил за начальником, к смутному силуэту городских ворот. Стояла непроглядная темень, и Альфред упрекнул себя в легкомыслии: он знал, что на Периферии нет ночного освещения, а все местные жители ложатся спать сразу после заката. Ускорив шаг, он обдумывал реплики в разговоре с разбуженным хозяином двора, к которому они постучатся на ночлег.

– Город, как ты помнишь, пограничный. Обнесён стеной, ворота со стороны Переправы и ровно напротив, на дорогу в Руйгу. Надеюсь, по ночам они не…

Нервный смешок вырвался из его губ. Добротные створки в два человеческих роста были наглухо заперты изнутри.

– До утра… – резюмировал Гарри, предвкушая не самую тёплую ночь. Деревья уже облетели, близились первые снегопады, и в тёмное время земля покрывалась изморозью, а трава становилась ломкой от ледяной корочки. – Эгей! Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало. Альфред вздохнул и с надеждой предположил:

– Может, рядом с другими воротами есть часовой?

Вздохнув, прапорщик двинулся вслед, вдоль городской стены. Как назло, с этой стороны не было ни одного дома, только тёмная громада деревьев виднелась по левую руку. Видно, здесь редко ходили: тропинка была узкой и неровной, она то падала в глубокие лужи, то взлетала на насыпной вал, но Альфред заметил: никогда, ни перед каким препятствием дорожка не отдалялась от стен больше, чем на два шага, и так испуганно жалась к ним, что полковнику стало не по себе.

– Заметил, как люди боятся отходить в сторону? – спросил он спутника. Тот загнанно пыхтел сзади: конечно, он это заметил. Местные предпочитали взбираться на муравейники и топать по лужам, лишь бы не отойти от родной стены на лишнюю пядь.

Путники устали брести в темноте, поминутно спотыкаясь о корни и комья мёрзлой земли, но вдруг Альфред замер, а прапорщик сослепу налетел на него.

– Что такое, полков… – тот посторонился, и Гарри вскрикнул от шока.

Кружево голых веток осталось позади, и теперь перед ними стоял Лес, не прикрытый лиственной порослью. Ровные, одна к одной сосны терялись маковками в темноте, а их ветви, трещины в их коре – до ужаса точные и одинаковые – светились мерным нефритовым сиянием.

– Быть того не может, – брюнет попятился и упёрся лопатками в стену. Альфред, наоборот, сделал шаг к Лесу, но замер: посередь жуткой тишины раздался шорох. Он прозвучал далеко и едва слышно, но мужчина мог поклясться: это был кто-то в Лесу. Там кто-то не спал.

– Может, пойдём? – косея от страха, прошептал Гарри. Полковник, не двигаясь, напрягал зрение, но тщетно: сквозь сплошные ряды веток не удавалось ничего разглядеть.

– Идём, оно нас не услышит оттуда… – взмолился прапорщик, отступая вдоль стены боком. Альфред усмехнулся:

– Может, и услышит.

Шорох повторился. Брюнет вздрогнул: ему показалось, теперь он был ближе.

– Услышало…

Альфред посерьёзнел.

– Идём. Медленно. Тихо.

Военные двинулись по тропинке, осторожно переступая через сухие ветки и подёрнувшиеся ледком лужи. Гарри вздрагивал каждый раз, когда ему чудился шорох или вздох, а блондин не прекращал оглядываться на стену деревьев. Время для них потерялось, а шершавые лапы страха схватили

за рёбра; путники всё крались и крались вдоль стены, ночной морозец щипал им руки и лица. Вдруг Гарри врезался лбом в прочную балку и чуть не вскрикнул от неожиданности. Альфред зажал ему рот и выдохнул: они вышли к воротам. По сравнению с теми, что были у Переправы, эти были куда выше и прочнее, и, о чудо! за ними виднелся крохотный лучик света. Боясь быть слишком громким, полковник шепнул Гарольду снять плащ и проговорил в щель между створками:

– Эгей! Мы от реки, переправились слишком поздно! Впустите, будьте добры!

За воротами раздались шаги, и грубый голос отозвался:

– Сколько вас?

– Двое, – ответил полковник, ликуя, что им не придётся ночевать по соседству с громадой Леса.

– Я не могу открыть ворота, – прозвучало с той стороны. – Хотите войти – забирайтесь.

Альфреда по затылку ударил узел верёвки, переброшенной из-за ворот.

– Только быстрее!

Повинуясь напутствию, Гарольд уцепился за верёвку и полез вверх. Блондин придерживал свободный конец, чтобы тот не болтался, и неотрывно смотрел в сторону Леса. Таинственный шорох не повторялся, но у мужчины было стойкое ощущение, что за ним наблюдают. Сколь он ни вглядывался в границу стволов, до которой было двадцать шагов, нигде не мелькнуло ни тени: в слабом свечении деревьев она была бы заметна. Глаза его уже болели от напряжения, но глухой голос прапорщика позвал его сквозь прочную древесину:

– Пол… Фред!

Альфред оценил смекалку подчинённого: военных в этом городе не любили, и сменить имя никогда не бывало излишним. Он покрепче ухватился за канат, нащупал высокий узел и подтянулся, обхватывая ногами конец. Когда он добрался до верха, то скинул смотанную верёвку часовому (привычка собирать

канат, чтобы за него не ухватились преследователи, прикипела к блондину во времена Урбдских кампаний). Усевшись на створку, он уже собирался спрыгнуть, но в последний раз обернулся и замер, потерял равновесие и рухнул прямо на Гарольда. За ту секунду, когда он смотрел на Лес, Альфред успел понять, почему никого не увидел внизу.

В темени крайнего дерева, ровно на высоте ворот горели два светло-вишнёвых глаза.

– Прямо как в детских страшилках, – пробормотал себе под нос блондин, пока часовой вёл их к своей будке. Она располагалась недалеко от ворот, на пороге их встречал сменщик, они с товарищем обменялись дежурными фразами:

– Едва стемнело, подобрал этих.

– Вернись на пост, Ефим. Я приду к своей вахте.

– Захвати чего пожевать.

Часовой развернулся и зашагал к воротам. Его напарник ухнул, как старый филин, и пригласил путников в будку. Там было так тесно, что втроём стало невозможно не задевать друг друга локтями.

– Зато не сквозит, – усмехнулся сторож. – Меня Рагнар звать, я из местного гарнизона. А вы кто таковы будете?

На крохотном столике чадила лампа, часовой плюхнулся на низкий стул, напротив сел Альфред, а Гарри остался стоять в тёплом углу, прислонившись к спине полковника. Тот, увидев рядом с лампой колоду засаленных карт, принялся их тасовать.

– Мы с кузеном едва переправились, да уже поздно было. Со стороны Барды часовых не дозвались, решили сюда идти. Я Фред, его Владом звать. Мы к дядьке приехали, Йозефу Олдерну.

Рагнар крянул «Раздавай!» и призадумался. Под нелепой вязаной шапкой зашевелились мясистые уши, когда он пожевал губами и выдал:

– Пропал ваш дядька-то, хэк!

Блондин ухнул искренним ужасом. Гарри побледнел и кивками поддержал его от стены.

– Как так?! Давно?

Рагнар почесался, зевнул – пахнуло ядрёным луком. Грохнув ладони на стол, он потребовал:

– Раздавай! – и первый взялся за карты, ловко выпущенные пальцами Альфреда. Оба они молчали, пока стражник не выдал:

– Мастак ты играть, парниша. А дядьку твоего мы и не искали.

Прапорщик возмутился:

– Почему?!

Мужик с лютой корчей отбился от карт полковника и заскрипел:

– Жил он тихо, хороший был человек. Хозяйство Хайре поправил, твёрдая ж рука завсегда нужна. Кузнецу помогал, с Климом дружил – часто они вместе вдоль пашни ходили.

– Отчего ж не искали, когда пропал? – подал голос блондин, разменяв козырей на брошенную стражником мелочь. – Пил, что ли?

Тот нахмурился и с грохотом скинул карты в биту.

– Аль дядьку забыл?! Не пил никогда, только квас да тан полуденницей!
А не искали, бо знаем, где сгинул.

Гарольд сглотнул. Полковник закончил партию, кинув Рагнару трёх дам, тот ругнулся и бросил туза – единственного.

– В Лесу? – голос Альфреда был таким глухим, таким тусклым, что прапору показалось – он состарился на полвека.

– В Лесу, – ответил стражник, мотнул головой и раздал по новой. Брюнет вздрогнул: его бил озноб, стоять без плаща было зябко. Он вывернул ткань внутрь погонами и накинул на плечи, надеясь, что рассвет будет ранним и тёплым.

Замасленные карты шлёпнулись о стол. Альфред и не думал сдаваться.

°

– Красивое селфи, – сказал я, потеряв счёт километрам пролистанной ленты.

– Представь, как она его делала, и разонравится, – отозвался С-сан.

– Однажды человек изобрёл колесо. И покатилось… – протянул Сакамаки, а я хихикнул: он знал толк в колёсах. Конкретно сейчас я поставил на запись свой диктофон, о чём не пожалел. Ни разу.

Разве что на каждую сотню галактик, где С-сан выпил виски, хотя забыл, что достал его для кофе.

По-настоящему красивым бывает лишь отчаяние.

– Я бегу за ним, пытаюсь схватиться за ось, мои ноги устали, им непросто пришлось…

– Недавно видел старушку, она шла и так счастливо болтала, приложив руку к уху, о том, как её жизнь, что Зина-соседка – курящая тварь, а внуки забыли

о бабке,

– …я бегу и бегу, теряю юность и славу, этот бенгальский огонь по ошибке зажжён был без пятнадцати полночь…

– у неё в руке радио.

– … он догорит до единственной цели ровно за восемь минут, погаснет искорка-нить, ведь смысл был

– не в том, чтобы слушать,

– а чтоб говорить.

Взросление – суть дуга, когда из низменной наивности мы падаем

(– Или взлетаем)

на годы цинизма, где уже распрощались с верой в то, что нас кто-то поймёт, но желание выразить собственную нутрянку столь велико, что с годами,

(– Кто дожил,)

мы возвращаемся к исходной точке надежды на то, что интересны кому-то, и прекрасней всего та смехотворная дерзость, с которой чужой ребёнок пристаёт к тебе и жалуется на велосипед, у которого сломана ось.

– Или старая дева, что сетует: у неё в инвалидной коляске скрипит

колесо,

Сакамаки смеётся. Пусть он некрасив, нелеп и нескладен, пусть он сломан, но, чёрт возьми, сколь прекрасно.

Однжды он позвонил в мою дверь и усмехнулся:

– Ты сможешь, я почуял великую панацею.

Он улыбался. Зрачки его скулили от жути страданий. Их чёрные, чёрные, чёрные колёса вращались в осях колесницы, правил ею сам Рагнарок.

– Ты сбрендил? Может, я

– Жёг миндаль? – он ласково засмеялся, мурашки не улеглись с тех самых пор. – Знаешь, я ведь чертовски…

Я слышал скрип оси и стрёкот поводьев.

– …чертовски хочу умереть.

Леди неправдоподобно ярко накрашена, видно – на камеру, она выгнулась и застыла, чтобы поймать себя ненаглядную в фокус, а поза растеряла естественность и стала так отвратительна, что мне захотелось блевать.

– Если у входа мокро, значит, снаружи снег. Перемотай колёсико мыши в настройках масштаба и вспомни: резину сменил?

– Эй, Сакамаки, человек может умереть от дистонии, своей ли, чужой ли?

Он засмеялся, искренне и до боли, и лучшей из безъюморных фраз отшутился:

– Разве что от горячего сердца. Знаешь, я…

…я не поскользнулся, ведь был осторожен, по наледи проще простого скользить,

– твоя искорка-нить?

– Рухнула в снег обгорелой громадой, но, клянусь,

после первой агонии придёт дикое логике, но душе спасительное успокоение: если менять уже нечего, любое страдание приносит радость, стоит просто…

Колосится рожь. Нераскрытыми тайнами дышат поля под безоблачной высью. Там, взметая душистую землю копытом,

тонкие ноги закидывая к голове,

я покоряю колосья каждым выдохом, каждым вдохом отпускаю им волю, мной живы люди и полевые цветы. Мою гордую спину не тяготит седло великого воина,

…просто смириться. В отчаянии есть величайшее счастье покоя.

Аз есмь – Красный Заяц, скакун-повелитель просторов Китая.

– Я никогда не любил колёса. Как идею, как суть и как символ, – признаётся С-сан, так спокойно и просто, будто диктует список продуктов на ужин. – Кроме, пожалуй, вот этой вынужденной,

но крайне закономерной

случайности.

Колёсико крутится с приятным размеренным треском, подаёт в дуло патрон, бенгальским огнём искрит капсюль,

и Сакамаки смеётся.

– Чёртово колесо!

Скрипит, скрипит колесница, ей-то незачем менять резину на зимнюю: наледь не страшна вестнику Хаоса.

Жаль, вышла

осечка.

?

Покрытый ворованным, себя отдаю на съедение,

больно, не больно – вопрос

не имеет проблемы.

Топаю,

топаю,

вот он – мой

Сатурн,

замкнуло клеммы

в аммиачном облаке

космоса.

Голые, рослые, босые,

сердцами из Коза Ностры,

душами из дилеммы.

Замкнуто рушиться

в лице его простеньком,

кротостью клясть пресловутые розы,

смелостью сечь проржавевшие речи,

Милый, крыть нечем.

Нечем.

Желтизна режет сон, лён укрывает лицо – мне вокруг твоих

плеч кольцом, ожерелье ключиц, диадему-лучи целовать,

коренья морщин корчевать рдяным аммонием.

Ты моя сиолония.

Мои Геркулесовы ямы.

Над могилой моей синий газ.

Мой Уроборос.

Седина моих глаз.

Милый!

Пьяными, пьяными песнями пенились птичьи плечи,

считала секунды со_дыхания сипом и сечью,

взрыдывала вседозволенно, вытерлась

о грудь твою веприной лаской,

прятала в лёгочном ранце,

в банке от краски,

протуберанцы.

Пей

аконит

моих губ.

Пускай он и груб,

и тяжек, как монолит,

но безумней моих путей

не ведал ни табор Аттилы,

ни мистерии древних племян.

Напрочь лучше тебе позабыть меня,

милый.

?

Что говорят неудачники?

Жди, молчи, пожалуйста, не стоит Ему этого слышать.

Что говорят неудачники?

Может, у любви нет ни рамок, ни правил, но я бы вывесил предупреждения.

Как не пустить под откос то хрупкое, недолговечное, что ты выткешь
и продлишь ценой дикой социальной вертячки? Быть рядом, всегда в курсе,
радовать, поддерживать, наблюдать беспрестанно, но не совершать самой
главной ошибки,

Я бы вывесил предупреждения.

Ни шанса на искренность.

Не смей признаваться. Вихляй, уходи, отшутись и помоги забыть, ни за что не позволяй секундным порывам завладеть твоим языком. Глотай колючую проволоку проклятых слов «я люблю», глотай, глотай, ГУЛАГ внутри сам себя не огородит. Помни: ты никогда не подойдёшь под идеал. Слишком судорожно твоё внимание, очаровывают отстранённые, никак не те, кто ловит каждый шаг и в курсе всех мыслей.

Ни шанса на искренность.

Пей, смейся, рыдай.

Ты рядом, и тебе повезло: как радостно страдать! Видны все детали, рукой дотянуться, но тебе никогда не будет позволено этого сделать. Ты же умница, ты же молодец, ты же не хочешь сорваться и прахом пустить всю вселенную, сшитую из лоскутков вокруг главной мишени. Она недостижима, не смей забывать.

Пей, смейся, рыдай.

Любовь от влюблённости легко отличить по степени жути: в последней она лёгким мазком, если мы – испорченные дети жестокости, а в первой – грунтовкой холста. Я бы вывесил предупреждения, например:

все общие друзья – предатели по умолчанию,

пей, смейся, рыдай в одиночестве,

и ни намёка на искренность, слышишь?!

Что говорят неудачники?

Сон первый. Шагая по синей траве

Волосы Пэридот утянуты в две бесконечных косы. Проливаясь от самых висков и до пола, они берут в кольцо её благородную голову. Старейшина седа, как лунь, но бессмертна – и потому молода, как июньская лилия. Склонившись над звенящим бусинками свёртком, она едва касается лба младенца и что-то шепчет, а встревоженная мать, замерев, как мышь перед взглядом змеи, слушает этот шёпот.

– Не знающий гнёта, глубокий мыслью, ты вырастешь чутким и столь прекрасным, что звёзды будут зажигаться лишь в твою честь. Да отмерят путь твой три края, что укроют за собой гибель, и первый будет, когда ты споёшь на пролитой воде, и второй будет, когда, шагая по синей траве, сверзишься в тень, и третий будет, когда, обретя мир, ты уронишь гранат.

Из-под век Пэридот сквозит белый огонь. Она качает младенца, но тот не открывает глаза: его сон так глубок, что малютка не слышит пророчества своей судьбы.

– Боги коснутся тебя рукой крепкой, кровавой, и не будет в подлунном мире никого пленительней тебя, – голос старейшины крепнет, его гулкие ноты разносятся по тёмной комнате. – И будет всё так, как предрекла я, и да прозвенит твоё имя!

Ночь сгустилась над людским королевством, но просиявшие звёзды взрезали синюю мглу.

– Капелла.

?

– Его Величество Император Гуфра Четырнадцатый, позвольте ничтожному слуге доложить о прибытии в столицу эскорта Прекраснейшей, который

благополучно завершил свою миссию и возвратился…

Окна тронного зала столь высоки, что, вынув стёклышки витражей, можно окружить ими весь город Глория с рыночной площадью и домами дворян. Гербы древнейших родов украшают трон Императора искусной резьбой, под потолком зала цветут флаги всех прозелитов: зал не пройти от дверей до ступеней меньше, чем за три сотни шагов.

– Все слуги Великого Императора пребывают в добром здоровье, однако Старейшей Пэридот слегка нездоровится…

Кукольная головка недвижна, но жестом тонкой руки Император отсылает вельможу. Тот, раскланявшись, пятится к выходу: одни дворяне смеют поворачиваться к Благословенному спиной. Лишь за мужчиной закрываются высокие двери, Император вздыхает и съезжает по спинке трона. Его детские ножки даже так не достают до ковра. «Ещё немного, – знает он. – Ещё пара Эса, и вольность торопить докладчиков».

Императору минул восьмой Эса, но он уже сыт дворцовой жизнью по горло. Болтая ногами в тяжёлых туфлях, он не слышит чужих шагов до последнего, до весёлого:

– Что, Венец жмёт?

От неожиданности Император подпрыгивает, приземляясь на трон с идеально ровной осанкой. За его спиной, дав волю звенящим амулетам, смеётся Пэридот. На её щеках ни морщинки. Она оборачивается, и, пропуская Благословенного вперёд, следует ровно за ним.

– Как твоя встреча? Интересно?

Император не стесняется в выражениях. Он может говорить с учительницей о чём угодно, лишь бы соблюдал её наставления.

– Крайне. Наконец поговорили с Дорго, не видались пару Сол.

Пэридот растила и его отца, и деда, и прадеда, и всех юных королев. В беседе с бессмертной человеку нечего стыдиться.

– Как ему пришлась Дань?

– Превосходно. В этот раз всё прошло даже лучше, чем при Вашем деде, Гуфре двенадцатом.

– Дед? Это было меньше, чем два Сола назад. Вы не виделись так давно?

Старейшина искренне смеётся:

– Давно – это когда на месте Глории цвела дикая арника, Ваше Величество. В нашу последнюю встречу Дорго был молод, на меру его рода он был примерно Вашего возраста.

Император удивлённо хлопает глазами. Их радужка, говоря за наследника чистейшей крови, блещет рубином.

– Неужто?! Пэридот, скажи, а драконы вообще умирают?

Женщина улыбается ученику и отвечает:

– Конечно. Они так же смертны, только живут много дольше.

– Почему тогда их король меняется чаще, чем они умирают? – не успокаивается любопытный ребёнок. Пэридот, любуясь его честным лицом, вспоминает предыдущего Короля Драконов, отца Дорго.

– Они – не люди, Ваше Величество. Ваш отец занял трон после смерти деда, Вы сам – после гибели отца. Драконы же вступают в царствование, войдя в брачный возраст, а их предшественники удаляются на покой.

– Думаешь, в этом они мудрее нас?

Старейшина касается рукой плеча Императора. Бесчисленные амулеты на её рукаве звенят, задевая шёлк мантии.

– Как знать, Ваше Величество. Как знать… – Пэридот останавливается у окна галереи, по которой лежит их путь, и смотрит во внутренний двор. – Вы сами вступите в полные свои права только после женитьбы.

– Да, – соглашается Гуфра. – Это хорошая традиция, чтобы унаследовать.

Заметив, что наставница больше не следует за ним, Император возвращается к ней и также заглядывает в окно.

– Что увлекло тебя, Пэридот? – И, проследив её взгляд, с удивлением находит его на стройном юноше. Судя по широкому поясу цвета синей пыли, сидящий внизу – из касты мудрецов, длинные волосы выдают в нём лектора семинарии. По левую его руку расположилась фигура, укутанная в серый покров – конечно, весталка. Судя по их позам, молодые люди разговаривают: лицо юноши обращено к небу, а девушка внимает его словам.

– Даже отсюда видно, как он хорош, – шепчет Старейшина. Император, напрягая молодые глаза, невольно завидует зоркости Пэридот: между стеклом галереи и деревом, в тени которого сидят двое, больше полутора сотен шагов.

– Капелла? Я удивлён, что для Дорго ты забрала не его.

Пэридот скалится, как хищная фосса, а Император голоском ребёнка льёт издевку ей в уши:

– Договор с Королевством Драконов ведь требует Прекраснейшего из рода людского…

– Что же, если титул Нужнейшего совпал в нём с этим качеством?

Они продолжают свой путь. Ребёнок вспоминает, как Капелла вылечил его от бессонницы, когда Пэридот отлучилась, и вдумчиво тянет:

– Из прекраснейшего он возрос до необходимого. К тому ж, по твоим словам, Дорго доволен Даром. Чего ещё желать королевству, кроме удачного совпадения возможностей и ожиданий?

Старейшина закатывает глаза и тихо смеётся. Юный Гуфра Четырнадцатый достоин предшественников мудростью и тонким дворцовым юмором. В который раз Пэридот убеждается: именно она стала законодательницей этих порядков.

– Рассуждать о прекрасном и не пасть в славословие – великое искусство, Ваше Величество.

Император хмурится и вопрошает:

– Ты говорила, в славословии теряется истина, – Пэридот кивает, она рада, что воспитанник усвоил её слова. – Как же отличить истинную красоту от ложной?

– Водой, – отвечает старейшина.

– Смыть румяна, что ли? – Недоумённо восклицает Император, и женщина смеётся.

– Едва ли. Красота подобна вину, и чем оно гуще, тем больше пьянит. Вернуться к менее крепкому тяжко, а опьянение кончается недугом, и, чтобы не заболеть, нужно пить ещё и ещё. Но истинно прекрасный никогда не затмит других, никогда не будет им противостоять в борьбе за первенство.

Венценосный ребёнок останавливается у двери своих покоев, проводит ладошкой по замысловатым узорам на створке. Он гладит пальцами волосы нимфы, одной из двенадцати нимф в хороводе.

– Выходит, есть люди красивее Капеллы?

Пэридот кладёт руку ему на плечо и встречается взглядом с драконом со второй створки.

– Есть. Но прекраснее – не существует на землях Четырёх Королевств. – Старейшина входит в покои, вдыхает звонкий, полный цветами воздух. – Он

подобен воде: чист, прост и безгрешен. Он даёт жизнь всему, наполняя собой и землю, и небо. Он никому не желает зла, и тем подобен…

– Детям Первого Зверя? – угадывает Император, и Пэридот с улыбкой соглашается:

– Верно. Тем выше душа, чем ближе к ним.

Заповедная Топь видна в широкие окна, она тянется так далеко, что даже Пэридот не видит края. Стены столицы очерчены ровной окружностью, но сам город – лишь половина, и за Дворцом, что стоит в центре, обрываются здания из жёлтого камня и начинается Сад – гигантский полукруг зелени, где не ходит ни одна живая душа, кроме, пожалуй, Старейшины Пэридот.

– Скоро зацветёт водяная трава, и у Вашего Величества за окном будет море, – говорит она, оборачиваясь. – А теперь, прошу, пора возобновить Ваши занятия.

– Мы много пропустили, – тянет Император. Капелла заменял наставницу, пока та гостила в Чешуйчатом Королевстве, но ребёнок хитрит. Император, как и все дети, не очень любит уроки.

– Тем больше усердия Вам следует проявить. Сегодня поговорим о географии…

?

Гомон разносился по гулким стенам, лился в окна и прорывался сквозь двери. Дети не хотели заканчивать перерыв, и Магистру пришлось долго стучать своим посохом по полу, чтобы ученики успокоились. Когда они, наконец, расселись по длинным скамьям, старик прокашлялся и возвестил:

– Святейший отзывает меня в Своё личное услужение, а потому отныне вам будет преподавать мой любимый ученик, лучший после меня, Капелла.

В класс, полный шепотков и хихиканья, вошёл статный юноша. Ученики тотчас стихли, наблюдая во все глаза: он поклонился Магистру, проводил его до двери

и вернулся к доске, положил на стол охапку свитков. Оглядев класс добрыми, внимательными глазами, он подошёл к ряду ученических парт и облокотился на стол спиной. Его тёмно-русые пряди были стянуты синей лентой, но её узел ослаб, и пара локонов выбилась из него, ложась по бокам от лица.

– Рад видеть вас, – произнёс он, и ребята ответили лишь через пару секунд:

– И мы рады, учитель! Спасибо за Вашу науку!

Юноша улыбнулся и убрал пряди за уши.

– Я уже учил кого-то из вас, и некоторых помню. Остальных прошу поверить: я помогу вам во всём, утешу и дам совет. Но также я очень требователен… – Новый учитель скользнул взглядом по своим прежним ученикам, весело улыбаясь. – И не думайте отлынивать от уроков!

Голос его напомнил ребятам весенний ручей: шелковистый, но глубокий; звонкий, но не оглушительный; чистый, но полный смысла. Они заворожено наблюдали за наставником, пока тот разворачивал на доске карту и отряхивал указку от меловой пыли.

– Теперь, пожалуй, начнём. – Он оглядел класс, искры задора плясали в его глазах. – Кто-нибудь здесь слышал о Четырёх Королевствах?

Поднялось пять неуверенных рук. Капелла кивнул и продолжил:

– Кто может их перечислить? Или показать на карте?

Шепоток пронёсся по классу: тема Четырёх Королевств никогда ранее не поднималась у школьной доски. Столь смелый шаг нового наставника вызвал у ребят одновременно ужас и восторг, что слились в гремучий заряд интереса в юных головах. Поднялся с места главный задира класса, Нэзар, сын Императорского гонца. Выйдя к доске, он принял из рук наставника указку и, сверкая угольями глаз на Капеллу, начал:

– На земле есть четыре королевства: наше, людское, ещё Чешуйчатое, его населяют драконы, Мёртвое Королевство атанов и Запретные Земли. Атаны

жили на севере, драконы на юго-запад от нас, а Запретные земли – на восток.

– Отлично, Нэзар. Отец не рассказывал тебе о Запретных Землях?

Мальчик потупился, вперил взгляд в собственные ноги и пробубнил:

– Нет. Откуда вы знаете моё имя? – Вскинулся он с вызовом, но, встретившись глазами с наставником, мучительно покраснел и вновь опустил голову.

– Найта рассказывала о своём брате, драчуне и заводиле по имени Нэзар, – пропел Капелла, откидываясь на стол и упираясь в него локтями. Тот, запустив пятерню в чёрные вихры, усердно чесал затылок. Подбородок мальчугана уткнулся в ключицы, а уши едва не пылали. Наставник усмехнулся и отпустил ученика за скамью, по пути тот едва не своротил стол и отдавил ноги половине товарищей.

– Итак. Нэзар ответил верно, но не слишком полно: знания о Запретных Землях, конечно, под запретом, – ученики переглянулись. – Однако не все.

Наставник обвёл взглядом класс. От гомона, встретившего Магистра, не осталось и шороха. Детские лица были обращены к нему, пожирали его глазами, и Капелла удовлётворённо вздохнул. Он поднял руку, задрался свободный рукав его одежды, жадным взорам открылась чистая, матовая кожа с неповторимым тоном теней у локтя и под запястьем. Поймав другой рукой шнурок, пришитый к изнанке, Капелла подвязал сначала один рукав, после второй – было жарко – и продолжил урок.

– Сегодняшняя тема: торговые пути и области производства. Если к следующему разу вы усвоите мою лекцию и распишете её в виде таблицы не более, чем на локоть свитка, я отвечу на любой вопрос про Запретные Земли.

Стоит ли говорить, что таких внимательных учеников Императорская Семинария не знала ни до, ни после Капеллы.

Близился вечер, его шаги были незаметны и робки – вливаясь в небо полутонами, он красил своды в лиловый. Тихо, шёпотом готовились травы

к росе – чересчур рано, до неё осталась целая треть долгого, тёплого дня. Капелла вышел из класса последним: снимал с чёрной доски карту Четырёх Королевств. Его запястья были испачканы мелом, и юноша направлялся к фонтанчику, украшавшему зелень под Императорской галереей. Едва окунув руки в хрустальную воду, он почувствовал на себе чей-то взгляд и тотчас обернулся. Вокруг не было никого: только стены дворца, живая зелень меж ними и старое дерево, низвергавшее пряди-ветви до самой травы. Проследив направление взгляда, он восторжествовал: из тени каменного закутка вышла девушка в длинных тёмных одеждах.

– Рад видеть, Найта, – поздоровался юноша, приветливо подняв руку. Укоряющим взглядом проводив его голые локти, Найта фыркнула:

– Поражаюсь, как ты заметил.

Найта была весталкой – ей запрещалось видеть неприкрытое тело мужчины, исключая кисти рук и лицо. Помня это, Капелла спешно развязал ремешки, и свободные рукава легли на его запястья. Девушка кивнула и, в знак примирения, опустилась на мягкую траву, приглашая друга сесть рядом.

– Как первый день на месте Магистра? – Серый балахон Найты разметался вокруг её ног, она положила голову на колено и приготовилась слушать: Капелла знал, она обожала его рассказы.

– Ребята любознательные, активные, стоит расшевелить. Обещал им интересную тему, если подготовят внеклассный урок. Магистр, конечно, был с ними строг – боюсь, как бы не избаловать их. Познакомился, кстати сказать, с твоим братом: прелюбопытнейший паренёк. У доски насупился, пыхтит, как дикий зверёк! Надеюсь, мы найдём общий язык.

Найта сидела неподвижно, её взгляд застыл, как озеро подо льдом. Будто не сразу заметив, что собеседник молчит, она ответила:

– Да, Нэзар неприятный ребёнок. Никогда не улыбается сёстрам и матери, не принимает подарков. Всегда на него ворох жалоб – он задира, ты будь с ним построже. Гадкий мальчишка, распустится – жизни не даст!

Капелла смеётся. Кажется, девушке стыдно за младшего брата, вот она и прячет неловкость за злыми словами. На самом деле, знает Капелла, она любит Нэзара: как не любить такого интересного мальчика. Из него непременно вырастет сильный, преданный воин, опора сёстрам и старой матери, отрада отцу. Юноша думает продолжить рассказ, заводит речь о теме урока; Найта всё так же недвижна, её тень красит траву в аспидно-серый, а одежды будто вытесаны из тёмного камня. Капелла говорит ей о том, как море Эринэй обнимает западное побережье, как суровый океан Тщеты бьётся о скалы Мёртвого королевства, и как брызги заледеневают, взлетев к подножию Крайней башни, но вдруг осекается: за ним кто-то следит. Издалека, едва заметно, но пронзительно и властно – этот взгляд пронзил Капеллу насквозь. Пытаясь не выдать себя, юноша оборачивается и сквозь вуаль русых волос замечает две тени на витражных окнах Императорской галереи.

– И? Ты замолчал, – возникла Найта. Ощущение чужого взгляда исчезло – наблюдатель отвернулся или отвлёкся, и Капелла перевёл дух.

– Просто показалось, – ответил он, не сочтя нужным рассказать о произошедшем. Брюнетка что-то промычала и вновь затихла, видно, ожидая дальнейших излияний Капеллы. Сама она, как думал юноша, говорить не любила.

– Хочешь, расскажу, что я вычитал в Императорской хронике сегодня ночью?

Восприняв молчание Найты как знак одобрения, он хотел пуститься в историю, но внезапно стих: к ним приближались шаги. Капелла даже не обернулся, наблюдая за реакцией Найты: та скривилась, непонятное чувство мелькнуло на её лице. Девушка подобрала полы балахона и опустила капюшон ниже, спрятала в рукавах пальцы и замоталась вуалью.

– Рад видеть, Рэддок! – Поздоровался её собеседник, даже не обернувшись.

– И я тебе рад, Капелла! – раздался в ответ звонкий голос, и на траву рядом с ним плюхнулся подтянутый, ловкий парень с рыжими вихрами и сыпью веснушек на остром лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/anhinga_john/snezhnaya-slepota

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити